

Кутепов Александр Яковлевич

4/II 88.

4 ФЕВ 1987

ИЗВЕСТИЯ

Диалог с современником

ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛО ПУШКИНА...

— Александр Яковлевич! Знаю, что вы не только частый гость Музея Пушкина, но и член его Ученого совета. И дружба эта давняя. Что для вас значит Пушкин и его музей? Как вы открыли их для себя и что они открыли вам?

— Не я открыл музей, а он открыл меня и, если хотите, открыл для меня мое призвание. Никогда не забуду, как ровно четверть века назад меня благословили на нелегкий душевный труд в Онегинском зале этого доброго дома, когда я, совсем молодой актер, впервые прочел здесь лицейскую программу по Тютчеву, подготовленную под руководством Бориса Григорьевича Моргунова. И не только у меня такая память. Музей слышал многие первые шаги в искусстве, в поэзии. И многие первые шаги поддержал.

Лично для меня это самый желанный дом в Москве. Здесь работают и собираются удивительные люди, объединенные Пушкиным. Не именем, а живым Пушкиным. В духовный фундамент этого дома заложены наука и талант, четкий порядок и бескорыстие. Из безвозмездных даров выросли во многом экспозиция и фонды музея. Лучшие наши артисты, поэты, певцы, пианисты выступают здесь всегда охотно. И всегда — бесплатно.

И все это, конечно, заслуга первейшая Александра Зиновьевича Крейна, его приемников и его коллег, которые вместе с ним начинали, продолжают и развивают эту новую московскую традицию.

Я обязан музею и тем, что познакомился здесь с выдающимися пушкинистами — Ильей Львовичем Фейнбергом, Татьяной Григорьевной Цявловской, Сергеем Михайловичем Бонди, со многими сегодняшними исследователями творчества поэта.

Но, может быть, самая большая моя благодарность музею за то, что он сроднил меня с живым Пушкиным. Когда я вижу лица зрителей в этом зале, приходит какая-то устойчивость в жизни, в представлении о неистребимости светлых, высоких ее начал.

Лицей в Пушкине, Михайловское, Тригорское, дом на Мойке в Ленинграде — это тоже прекрасные, живые Пушкинские дома. Но они непосредственно связаны с жизнью поэта. А тут все выросло буквально на пустом месте. И люди, создавшие музей, заставили поверить, убедили всю Москву, всю страну, что это именно Пушкинский дом.

— Кто увидел весну, лето, осень, зиму, ничего нового в жизни уже не увидит. Есть такая «житейская мудрость». Но вот приходит человек и проходит обычный круг жизни: Лицей, первая любовь, гонения, зрелость, ярость, дуэль, смерть. Весна, лето, осень, зима. А поколение за поколением после него вглядывается в этот круг, и... все — ново, все — впервые, все — Пушкин. Откуда оно, это чувство новизны и современности при встрече с Пушкиным в любой год, в любой век?

— Я часто пытаюсь представить: какими глазами посмотрел бы Пушкин на нашу сегодняшнюю жизнь? Ну, положим, передают по телевидению современные молодежные танцы. Что если бы их увидел Лев Николаевич Толстой? Он бы, наверное, решил, что мир сошел с ума. А Пушкин? Он бы хохотал, радовался безумно. Он был человеком такой широты, такой свободы в восприятии мира, что это ему очень бы понравилось.

Видимо, пушкинское восприятие мира настолько полно доверия к естественному, незапрограммированному развитию жизни, настолько открыто ей навстречу, что невольно становится созвучным молодости в любых поколениях.

— Не обманчива ли очевидная простота Пушкина? Не упрощаем ли мы его сами? Ведь Пушкин — это духовность в ее высшем, в ее творческом смысле, отрицающем стандарт, смертельное упрощение жизни. Говорим больше о том, что радует в отношении наших современников к Пушкину. А что огорчает?

— Провидческие слова о том, как будут понимать Пушкина потомки, сказал Александр Блок в Петрограде 10 февраля 1921 года. Поэт — величина неизменная. Люди могут отворачиваться от поэта и его дела. Сегодня

они ставят ему памятники; завтра хотят «сбросить его с корабля современности». То и другое определяет только этих людей, но не поэта. «Любознательные чиновники, которые мешали поэту испытывать гармонию сердца, навсегда сохранили за собой кличку черни... Испытание сердец поэзией Пушкина во всем ее объеме уже произведено без них.

Пушкин же остерегется от худшей клички те чиновники, которые собираются направлять поэзию по каким-то собственным руслам, посягая на ее тайную свободу и препятствуя ей выполнять ее таинственное назначение.

Мы умираем, а искусство остается. Его конечные цели нам неизвестны и не могут быть

Поэтому даже своей личной жизнью Пушкин представляет огромное явление русской духовной жизни. Первые личности нового времени в нашей истории, в которых так ярко и масштабно выразился русский национальный характер, это, безусловно, Петр I, Ломоносов и Пушкин. Важно, придет ли человек, заинтересовавшийся биографией Пушкина, к такому пониманию этой биографии или не придет. Раскроет ли наедине со своими мыслями пушкинский томик?

Как мне жаль людей, которые, «проходя» Пушкина в школе, в жизни проходят мимо него. Корни как раз, наверное, именно в современной школе, с ее сокращающимися уроками литературы. Спорим, нужны ли

известны. Оно единственно и нераздельно».

Да, у Пушкина объемное, стереофоническое звучание и в истории, и в современной нам жизни. Мне кажется, мы сегодня это яснее понимаем, чем наши предшественники.

Пушкин прост? И да, и нет. Его простота, видимо, в глубине. Он настолько глубоко заглянул в судьбу человечества, что, куда бы мы ни шли через десятилетия и века, каждый раз будем встречать все нового и нового Пушкина. И каждый раз он будет нам созвучен. И всегда неожиданно глубок в своей простоте.

Массовая любовь к Пушкину — феномен нашей жизни. Тысячи людей под палящим солнцем или под дождем на пушкинском празднике в Михайловском. Им никто официальных приглашений не присылал... «Организованные» торжества у московского памятника поэту длятся час, от силы полтора. А люди идут и идут с утра до глубокой ночи. Читают стихи. Засыпают пьедестал горой цветов.

В Ленинграде есть пронзительная совершенно традиция. 10 февраля, в два сорок пять, в мгновение смерти Пушкина, люди приходят под пушкинские окна на Мойку. Несколько лет в доме была реконструкция, и траурную церемонию не проводили. А люди все равно приходили. Не знаю, есть ли еще хоть один поэт в мировой истории, окруженный такой любовью своего народа.

Но вот что меня тревожит. Интерес к творчеству Пушкина далеко не такой массовый, как, положим, к его биографии. И относится он зачастую лишь к подробностям личной жизни поэта. Но ведь и за его отношением к друзьям, за его любовью к жене, за его пониманием чести, за самой его гибелью стоят очень серьезные вещи. Чувство чуждого Пушкин называл «благородным», а мы часто воспринимаем это понятие как отрицательное. Для меня Пушкин как человек — это прежде всего торжество чести и человеческого достоинства. Он доказал это всей своей жизнью и ее трагическим финалом. Как необходимы эти качества нам сегодня!

В московском Музее А. С. Пушкина есть традиция. Каждый год в день Лицея, 19 октября, один из лучших наших чтецов заслуженный артист РСФСР, артист Центрального театра Советской Армии А. Кутепов читает композицию по романам Ю. Тютчева «Пушкин» и «Кюхля». И всегда это как наваждение. Вдруг забываешь, что за окнами белоколонного музейного особняка сегодняшний вечер, сегодняшние автомашины, и оказываешься то в лицейском номере, то в караульном доме, то в царскосельском саду, далеко-далеко, на заре прошлого века. Отходит в сторону сходство чтеца с Пушкиным, которым он подчеркнуто не пользуется. И начинаешь понимать: иная перед ним цель — сквозь магический кристалл прекрасной тютчевской прозы повести слушателя в духовный мир Лицея, где уже, как в завязи, просвечивают и гений, и судьба поэта, и судьбы его друзей...

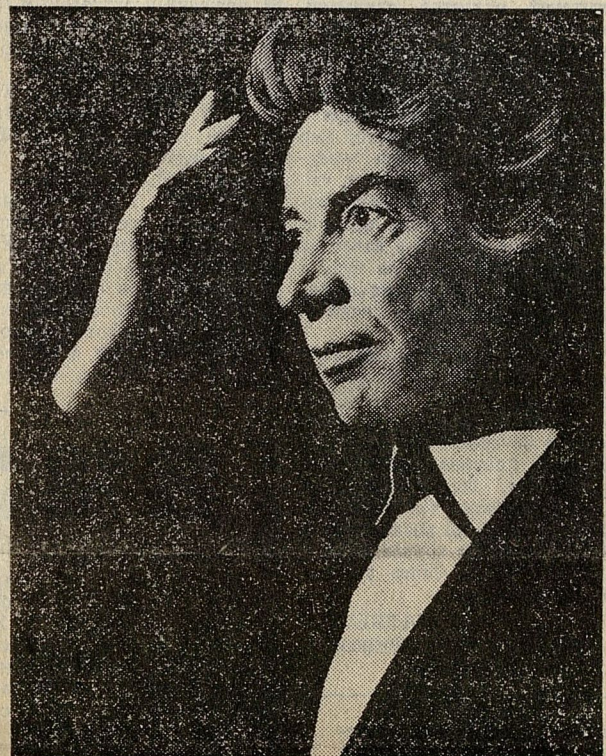
Мой собеседник — Александр КУТЕПОВ.

Пишу. Все идет хорошо до ремарки: «Входит Пушкин». И дальше — ничего не получается. Даже такой мастер, тонко чувствующий и театр, и драматургический материал, как Булгаков, написал пьесу о Пушкине «Последние дни» — без роли Пушкина. Как видно, очень многие писатели, режиссеры, актеры вот так же останавливаются перед ремаркой: «Входит Пушкин».

Пушкина сыграть невероятно трудно. Наверное, Толстого легче. У Льва Николаевича резко просисывается определенная нравственная сверхзадача в жизни. А Пушкин... Он совершенно непредсказуем. В нем вообще отсутствовала какаля-либо заданность. Не изменить дару, который он получил от

Другое дело артист-чтец. Какая счастливая возможность выбора! Все сокровища русской классической и советской литературы! Выбирай, пробуй!

Кульминацией своей работы над пушкинской темой, главной в моей жизни, я считаю полное прочтение «Арапа Петра Великого», который до этого, насколько мне известно, вообще не звучал со сцены. Готовил программу с моим учителем, Дмитрием Николаевичем Журавлевым. Это была школа высшего порядка. Работать было безумно трудно. От понимания того, что ключ — в словах Пушкина о Ганнибале: «Разговор его был прост и важен», к поиску точной грани, меры — путь в три года. Да и сейчас поиск не окончен.

«Разговор его был прост и важен», — в этих словах Пушкина о своем прадеде Ганнибале ключ и к самой пушкинской прозе. 25 января 1987 г. Московский Музей А. С. Пушкина. Александр Кутепов. Полное прочтение «Арапа Петра Великого».

Фото Виктора АХЛОМОВА.

— У Пушкина был пророческий дар. Не только потому, что таким похожим оказался эскиз завтрашнего, для нас сегодняшнего облика страны:

Шоссе России здесь и тут, Соединив, пересекут. Мосты чугунные чрез воды Шагнут широкою дугой, Раздвинем горы, под водой Пророем дерзостные своды...

Нет, я не о таком, буквально, что ли, понимании пророческого дара хочу сказать. А о том, которым до глубин наполнен его «Пророк». Он прозрел нас, наше время с его «духовной жаждой», с сегодняшними духовными нашими поисками, поражениями и победами. Что лично вам говорит Пушкин о ваших современниках, о сегодняшнем мире?

— Если коротко: сегодня поразительно современным, острым, тревожным становится каждое новое прочтение Пушкина.

Вообще, разные человеческие сообщества время от времени начинают ощущать необходимость нести в своих недрах сильные духовные начала. Вот такое время у нас сейчас. И, думается, по природе нашего общества оно должно быть у нас всегда.

Знаете, мне очень жаль людей, которые не смогли прочитать Пушкина. Ну, скажем, Фонизин, Сумароков, Радищев... Представляете, какие мы с вами счастливые, что родились после Пушкина. А если бы он родился в XXI веке? Это очень бы нас обидело. Это просто немыслимо!

Да, мы не мыслим себя в своем времени без Пушкина. Но давайте подойдем с другой стороны. Когда мы сегодня говорим о том, будет существовать или погибнет наша цивилизация, среди доводов, почему ее непременно надо спасти, я лично для себя вижу и такой: потому что в ней есть Пушкин. Как это важно знать, что и при твоей жизни, и потом, через века, в мире будут бессмертны пушкинские стихи!

Диалог вел
Ким СМЕРНОВ.